

ПОНИМАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Михаил Стронин исповедует с худруком Малого драматического театра Львом Додиным одну театральную идеологию

Режиссерская работа
— 1999, 18 авг. — с. 7.

Леонид Попов

Михаил Федорович Стронин — по должности заместитель директора Малого драматического театра — Театра Европы, по сути — правая рука Льва Додина в деле строительства театра как художественного целого. Словом «завлит» ничего здесь не определишь, хотя на Стронина ложатся и некоторые обязанности заведующего литературной частью; он не литературный сотрудник, не «драматург» (в западном смысле), хотя он и то, и это, и еще много чего. Прежде всего он — понимающий человек и ближайший соратник. Мы говорили со Строниним до того, как стало известно, что Лев Додин получил престижную премию «Европа-театр» в г. Таормина (Италия), о чем «НГ» уже писала 07.08.99.

ДВЕНАДЦАТЬ лет назад Лев Додин пригласил вас работать под его началом в этом театре... Михаила Федоровича, с какого наскаженного места он вас позвал уйти?

— Из школы. Но у меня и прежде работа в театре чередовалась с работой в школе, очень, кстати, мною любимой.

— Вы преподавали...
— Английский язык. Это мое первое образование: английская филология. Незадолго до ухода из последней моей школы я защитил диссертацию по проблемам взаимосвязи театра и педагогика.

— Как Лев Абрамович объяснял, зачем вы ему нужны, какой помощи он от вас ждет?

— Ну как, в общем-то, не объяснял, да в этих объяснений и не ждал. Мы слишком давно друг друга знаем, чтобы вдаваться в такие объяснения. Мы знакомы с той поры, когда ему было одиннадцать лет, а мне двадцать два. Я был молодым человеком,

также к спектаклю выстраивается единая концепция, единая художественная линия. Я был там, у них огромные библиотеки, они обязательно присутствуют на репетициях...

— А вы не сидите на репетициях?
— Если начать бывать на репетициях, то ничем другим заниматься уже невозможно. Я придерживаюсь строгого правила: давать совет режиссеру, только когда меня об этом спрашивают.

— А вы, со своей стороны, предлагаете Додину какой-то материал для постановки? Обращали его внимание на что-либо?

— Нет, я не хожу к Додину с предложениями. Во-первых, он сам много очень читает и сам часто приходит ко мне прочитанное, что скажете? Во-вторых, мы не так много ставим.

— А литературной основой для спектакля, инсценировкой, если это не драматургия, вам тоже ведь не приходится заниматься?

— Да, не приходится. Это прерогатива режиссера. И не потому, что ему хочется быть автором, а потому, что он и есть автор: материал обретает нужную форму в процессе работы. Додин изначально считает, что из романа не надо предварительно делать классическую пьесу, он требует совершенно иного жанра. Что видно по его работам, когда они поставлены по этическим провозглашениям: Абрамов, Достоевский, Галлиан...

— А вам не кажется, что и в классической драматургии — в «Вишневом саду», «Пьесе без названия», «Любимый вид глазами» — Додин обращается как с эпическим, романским материалом?

— Да, это есть. Но, скажем, «Пьеса без названия», строго говоря, не пьеса. Она не стала у Чехова пьесой — так, как он писал позже. Там нет четкой структуры, поэтому она, конечно, ближе роману. Я, кстати, сказал Лаву Абрамовичу (но после того, как была выпущена спектакль, заметьте) — мол, было бы любопытно посмотреть, если бы кто-то поставил не фрагменты пьесы, как все делают, а всю ее целиком, столько, сколько у Чехова, со всеми действующими лицами. Интересный был бы эксперимент...

свита была из автоматчиков, Гамле ходил в темных очках а-ля Шубльский. Ничего это не дает. Но вот когда Брук ослал всех в кошку в «Короле Лире» и социал-мир из рваного железа — было приятно, отчего так...

— Театру в нем вместе с театром покажется очень интересным во мне, бывать в рамках страха и везе становиться с языками проблемным. Насколько актуальны переводы того текста, который звучит в театре? Что полагаете о ментальности, ставившей с русской культурой? Что остается невероятным, неизвестным?

— Я действительно занимаюсь на гастролях проблемами перевода, иногда окупаясь одновременно в несколько языков, поскольку одновременно готовлю несколько пьесок. Есть два аспекта этой проблемы. Один — это реалии русского языка, который надо просто объяснить в сопроводительном тексте, в программках, буклетах. Если не знать, что значит для русского христианина паспорт и почему за него надо было бороться, а «Братья и сестры» многое будет непонятно, и никакой буквальная перевод слова «паспорт» не поможет: из этих слов за разных языков разные значения. Имя слово «заям» — оно вообще непонятно. То есть понятие такое есть, но надо же пояснить, что у нас это значит совершенно иное: государственную принудительную обидаровку в так далее. Приходится чуть ли не составлять толковый словарь. Вот еще любопытный пример: «переходящее классное звание» — это из «Звезд на утреннем небе». Ну что это будет в дословном переводе? Есть вульгаризмы, которые нельзя перевести, но можно подобрать эквивалент. Наши особенности, для нас естественные, нам не замечаемые, могут вызвать у иностранцев удивление и оттого неверное понимание. Неверный эквивалентный отклик. В конце концов, есть ризика ментальности, но есть и общие человеческие проблемы. Мы вообще часто преувеличиваем свои национальные особенности, мол, никому нас не понять. Да при желании каждого можно понять.

— Это в Европе. А в Америке, скажем, отсутствует желание кого-либо

Михаил Стронин и Лев Додин.

окончившим вуз, а он вошел, если не ошибаюсь, в пятый класс.

— Вы познакомились в ТЮТе?

— Вот именно, в Театре юношеского творчества, где тогда вместе с нами занимались и хорошо известный Вениамин Михайлович Фасхалинский, и нынешний руководитель ТЮТа Евгений Юрьевич Сазонов... Мы все отсюда. Мы с тех пор дружим. Он его инициативе меня пригласил работать Коргозский в ТЮЗ, и в том пятый лет поступил. Поваля. «одеется» на этой работе. Потом отказался от предложения покойного ныне Ефима Павле работать завлитом в Малом драматическом, которым Фима тогда руководил. Когда Лев Абрамович принял от Павле театр, здесь работал завлитом Александр Гельман, но через несколько лет Сава решил уйти, и Додин позвал меня... А мы же с Додиным о наших корнях, нас сформировал ТЮТ и наш общий педагог, любимый учитель Михаил Григорьевич Дворовин. Мы одну идеологию театральную исповедуем, и нет ничего удивительного, что он решил собрать вокруг себя близких по духу людей.

— В тот момент Лев Абрамович был еще, можно сказать, незваным назначенным руководителем театра, шел третий сезон его руководства. Еще только собиралась команда. Какую роль отводились вам в этой задаче строительства театра?

— Мне этот вопрос часто задают, а главное, и я сам себе его нередко задаю. Вообще, понятие «завлит», или, по-западному говоря, «администратор», — фигура странная, неопределенных функций. Помню, первое, что подало Леву Абрамовичу меня пригласить (он даже писал об этом в одной статье), — что от завлита в моем лице он ждал внутренней критики. И эта задача сохраняется. На Западе все, конечно, иначе. В Германии, например, работают в больших театрах несколько человек, главным образом, над обработкой литературного материала. Но там и нет театра в нашем его понимании: ходят от спек-

— Вы говорили в комиссии театра... Есть ли у репертуарной линии Малого драматического — не буду переименовывать авторов — эта единая линия?

— Конечно. Лев Абрамович — не только в МДТ. — никогда не ставил плохой произведений. У него очень высокий литературный вкус, и он никогда не шел на компромиссы в этом отношении. Хороших современных пьес всегда мало. И его всегда поражае разрыв между драматургией и современной прозой.

— Михаил Федорович, вы так увлеченно говорите в литературе, что естественно. Вы совсем отвергаете возможность появления хорошего спектакля, если в его основе плохая литература?

— Да. Я не знаю, как это может быть. Да, открыто. Приведите мне обратные примеры.

— Ну чтобы далеко не ходить... Вот в нашем театре замечательный спектакль «Бегущие страшило» по пьесе Алексея Казанцева.

— Вы знаете... У меня к нему иное отношение. Он многим нравится. Вольга Туфанов, режиссер, сделал серьезную литературную обработку. Но я вам все равно скажу: шедевр из этого не вышло. И никогда из слабого материала не выйдет. У Брука есть замечание: ему сказали, мол, плохая у Шекспира пьеса «Тит Андроник», а спектакль вышел хороший. Нет, считает он, если что-то в пьесе позволило сделать хорошие спектакли, значит, она уже не так плоха.

— Мировая литература накопила столько шедевров! Я недавно перечитал Островского — ну и что мы с нашими новыми русскими? Однажды даже пришел к Додину и говорю: вот «Свои люди — сочтемся», хоть сейчас начальной, и на труте раскопал. Я не имел в виду, что нам надо Островского осовременить, спустить до уровня наших проблем. В свое время мне очень не понравился бергмановский «Гамлет» именно этим примитивным осовремениванием — там

понимать, они же совершенно самоодстоичны.

— Но и у зрителей в Нью-Йорке и в Сан-Диего были на глазах слезы. Живая эмоция — это ведь больше всего и ценится в театре, только это привлекает тебя к нему навсегда. Я помню, как первый раз попал в театр — в Александрию в 46-м году. Шли «Таланты и поклонники» с Лебас, Борисовым, Гайдаровым — корифеями. Вот обожал чувство — с тех пор не отпустил.

— И как часто приходите к вам его слова пережить?

— Крайне редко. Мало хожу в театр, и потому, что занят, и потому, что он меня огорчает. Иной раз посмотрю — и ничем не обожго. Ничем. Ни одним жестом, ни фразой. Ни в нашем театре, ни в зарубежном. Додин мне сказал однажды про наших «Бесов» — никто не будет десять часов сидеть и смотреть про чужую боль. Так вот, и в Германии, и во Франции люди сидели и смотрели — значит, смотрели про свою боль.

— Вы занимаетесь не только переводом русских текстов для зарубежных, но и переводами иностранной литературы... Эта область ваших занятий придалась театру?

— Вот совсем недавно я перевел пьесу, которую Лев Абрамович намеревался поставить. Питер Брук позвонил, попросил автора — его зовут Брайан Фрилл. Я перечитал несколько его пьес, большинство из них написаны в жанре монолога. Мне выбрал пьесу под названием «Молитва Струни» — это история трех людей... Не любовный треугольник. Не буду рассказывать сюжет, пьеса будет у нас поставлена. Я собираю еще одну пьесу переселенца, она называется «Затейник». Три акта — три монолога, три рассказа по одному и то же, три разных взгляда. Очень сильное драматическое сцепление между персонажами. Вообще надеюсь перевести несколько его пьес и по возможности издать. ■ Санкт-Петербург